

Сергей Лапшов

Польско-шведская война в Лифляндии 1617-1618 годов

"Так обрывались замыслы с размахом, вначале обещавшие успех..."
В.Шекспир. Гамлет, принц Датский

"Если с нами Бог, то кто против нас?"
Девиз Речи Посполитой

Введение

Малоизвестная широкому российскому читателю война Речи Посполитой со Швецией (прозванная "войной двух Ваза"), велась за право королей Сигизмунда III и Карла IX и Густава II Адольфа на шведский трон и соперничество за балтийские порты, через которые вывозилось в XVII веке главное богатство Восточной Европы - русский, польский и литовский хлеб. Продолжавшаяся с перерывами на перемирия почти 30 лет, с 1600 по 1629 год, эта война разделяется на три войны - 1600-1611 годов, 1617-1618 годов и 1625-1629 годов. За первую войну, протекавшую в Лифляндии (являвшейся с 1561 года кондоминиумом, совместным владением Польши и Литвы) и шведской Эстляндии, ни одна из сторон не добилась решающих успехов, устроив в крае настоящий Апокалипсис, - большая часть его населения вымерла от голода, чумы и военного разорения.

Конница литовских гетманов ЗамоЙского, Радзивилла и Ходкевича несколько раз наносила поражения шведам, не позволив им овладеть Ригой. Однако взять эстляндские крепости и сбросить противника в Финский залив было не в силах литвинов. Не хватало пушек, пехоты и денег, которые немногочисленным войскам постоянно не платили, и они то и дело бастовали или расходились. У страны не было сил и средств для того, чтобы воевать сразу и за шведский трон короля Польского и Великого Князя Литовского Сигизмунда III, и за московский трон для Лжедмитриев, а затем и сына Сигизмунда королевича Владислава, и в то же время с татарами, турками и то и дело мятежными запорожскими казаками.

Последнюю неудачную попытку овладения устьем Двины шведы предприняли в 1609 году. В октябре 1611 года, во время Кальмарской войны с Данией (1609-1612), король Карл IX скончался. Затем война замерла, было заключено перемирие. Трон отца и сразу три войны унаследовал подающий большие надежды 17-летний Густав II Адольф. С поляками и литвинами сначала договорились о перемирии на год, затем, в связи с дальнейшими неудачами в войне с датчанами, шведы согласились на продление перемирия с Речью Посполитой до апреля 1612 года, а потом и до сентября 1616 года. Хотя польская и литовская шляхта на своих сеймах и провинциальных сеймиках настаивала на дальнейшем продлении перемирия, считая эту войну никому, кроме короля, не нужной, Сигизмунд III тормозил начало переговоров, полагая, что вступление на трон юного и неопытного Густава подает ему надежду на победу, возвращение шведской короны и превращение в монарха огромной империи от Лапландии до Запорожской Сечи (при том, что его сын

королевич Владислав был в одном шаге от московского трона.)

С Данией в январе 1613 года проигравшая войну Швеция заключила Кнередский мир, по которому победители-датчане удерживали до выплаты контрибуции в 1 миллион риксдалеров ряд захваченных шведских городов и земель, в том числе важные крепости и порты Эльвсборг и Гетеборг, морские ворота в Западную Европу. В феврале 1617 года был заключен Столбовский мир с Московским государством, по которому к Швеции отходили Карелия и Ижорская земля, герцог Карл Филипп отказывался от московского трона, русские же возвращали себе Новгородскую землю, но теряли выход на Балтику. Выгод от разоренного края было мало, но зато Швеция ограждалась от векового соперника природными водными рубежами, лесами и болотами.. В апреле того же года Сигизмунд отправил королевича Владислава с 11-тысячным войском в очередную авантюру - в поход на Москву, чтобы посадить его на трон, уже занятый царем Михаилом Феодоровичем Романовым.

Варианты истории

Все эти обстоятельства вроде бы развязывали шведам руки в Ливонии. Однако войска из метрополии, Финляндии и Ингерманландии в Эстляндию быстро перебросить было непросто. К тому же их там было не так уж и много. Мир миром, но кто поручится, что при серьезной неудаче шведов южный и восточный соседи не вступят в войну, чтобы помочь полякам и литвинам добить соперника и получить свои преференции? В этой шахматной партии одновременной игры на нескольких досках могло быть много интересных вариантов, которые, несомненно, проворачивали в своих умных головах 24-летний король Густав и 32-летний риксканцлер Аксель Оксиеншерна, самый молодой политик такого уровня за всю историю страны.

Скажем, Дания, даже получив (или не получив) контрибуцию, не отдает Эльвсборг и возобновляет войну. Используя свой сильный флот и опираясь на принадлежащие Дании острова Готланд и Эзель, а также на Ригу, талантливый король-полководец Кристиан IV отрезает Ливонию и Финляндию от метрополии, а на суше переходит в наступление на Стокгольм, благо деньги на солдат у него есть, а у Густава Адольфа - нет, и устанавливает датско-шведскую унию во главе с самим собой.

Или, допустим, поляки сажают-таки на московский трон Владислава, образуя мегаимперию от Данцига до Tobольска, а потом идут на Новгород и открывают вместе с русскими новый театр военных действий от Нарвы до Кексгольма. А может быть и так, что москвиты отобьют поляков или замирятся с ними, уступив Смоленскую и Черниговскую земли. А потом, к чему-нибудь придравшись, порвут Столбовский мир, придут с войском на Неву, снова открывать окно в Европу, и закидают шапками несколько хилых шведских гарнизонов, - причем православное население Ижоры и Карелии тут же перейдет на московскую сторону.

Или же, наконец, самый простой вариант - собирают поляки с литвинами тысячи полторы гусар (больше не надо!) и устраивают где-нибудь в Лифляндии неказистой и голодной шведской пехоте и рейтарии новый Кирхгольм, так сказать, "на бис". А потом подтягивают тысяч пять хороших наемных немецких мушкетеров с

артиллерией и берут Ревель с Нарвой, сбросив шведов в Финский залив. А там недалеко и до нового десанта в Швецию с целью водворения на шведский трон короля Сигизмунда...

К новой войне и так разоренная страна и ее армия, которую не успели собрать и обучить, не была готова. Наряду с грабительской контрибуцией датчанам существовала проблема больших задолженностей войскам, в первую очередь иноземным наемникам, составлявшим основную часть армии. Остальные солдаты были шведами и финнами, вербованными, рекрутами, даточными крестьянами и мещанами, снаряженными ленами и городами на время войны, конниками, выставленными владельцами мыз по рейтарской повинности, и дворянскими ополчениями.

Несмотря на это, Швеция все-таки решила на военные действия. Видимо, молодого короля Густава Адольфа и его главного учителя и наставника в государственных делах канцлера Акселя Оксиеншерну соблазнила внезапно создавшаяся возможность неожиданного и легкого захвата Лифляндии и Риги.

Портрет изменника

Змеем-искусителем здесь выступил знатный и родовитый ливонский барон Вольмар фон Фаренсбах, сын видного чиновника и военачальника на службе Речи Посполитой, воеводы венденского Юргена Фаренсбаха, героя войны со шведами, участника неудачной экспедиции Сигизмунда в Швецию в 1598 году и победы под Венденом (Цесис, Кесь) в 1601 году, умершего в 1602 году. Сын унаследовал от отца замок Каркус (Каркси) и славное имя, которое вскоре запятнал изменой.

В 1610 году судьба вознесла Фаренсбаха-младшего на пост главнокомандующего литовскими войсками в Инфлянтах, а вернее, заместителя (региментаря) польного гетмана литовского Ходкевича, ратовавшего в это время с москвитями. Способствовало его карьере, видимо, и то, что барон был свойственником гетмана. Война со шведами в это время поутихла, и победами заместитель главнокома себя не зарекомендовал. Зато отметился грабежами и произволом своих наемников, постоянными распрями и дрызгами с лифляндскими воеводами, рижским магистратом и правительством Великого Княжества Литовского. Это привело к тому, что его лишили поста. Правда, Фаренсбах остался полковником и старостой руиенским, а также добился должности коменданта крепости Дюнамюнде, запиравшей со стороны моря подход к Риге, - благодаря тому, что располагая личными средствами, он сам на вербовал гарнизон крепости, потратив на это немалую сумму в 30 тысяч злотых. При нехватке амуниции он имел большие амбиции. На предательство его подвигли жажда власти и чувство мщения к сюзерену за понесенные обиды.

Узнав, что его собираются отстранить и от дюнамюндского удела, весной 1616 года Фаренсбах инициативно вступил в тайные конфиденции со шведами из дипломатической миссии. Представителями Швеции на мирных переговорах в Риге являлись тогда генерал-кригскомиссар Адам Шрапфер и королевский секретарь Бернд Гельфрейх, причем брата последнего пристроили Фаренсбаху на службу в качестве "офицера связи". Барон, пытаясь вознестись к верховной власти на шведских пиках, старался всячески замутить воду на переговорах и не допустить

длительного мира, доказывая своим новым партнерам, что перемирие в Лифляндии недолговечно, а король Сигизмунд III будет всячески стремиться снова вторгнуться в Швецию и Финляндию, чтобы вернуть себе потерянный трон в Стокгольме.

Вкратце сценарий измены составил такой. К концу срока очередного двухлетнего перемирия с Речью Посполитой, истекавшего 29 сентября 1616 года, Королевство Шведское должно было заключить мир с Московским государством, где Польша и Литва увязли довольно прочно. Далее с помощью Фаренсбаха шведские войска вторгались в открытые им ворота Дюнамюнде, затем брали Ригу, и наконец, овладевали всей Лифляндией и Курляндией при поддержке единоверного ливонского дворянства. Для себя изменник просил пост шведского генерал-губернатора Ливонии, подтверждения наследственного владения замком Каркус, свободы вероисповедания (он был католиком), 10 000 талеров "на укрепление крепости и содержание гарнизона Дюнамюнде", а за отказ от нее в пользу шведской короны - дополнительно 2 000 талеров за счет финляндских налогов. Много ли запросил Фаренсбах? В сравнении с "датской данью" отнюдь нет. Видимо, барон сильно поиздержался, и скуповатые шведы купили его по дешевке - такой суммы не хватило бы даже на месячное содержание пехотного полка. Король Швеции следил за переговорами довольно заинтересованно, но канцлер Оксиеншерна поначалу был к Фаренсбаху недоверчив, считая его политическим авантюристом, не имеющим ни власти, ни влияния.

Зима 1616/1617 годов выдалась очень теплой, Северная Балтика и Рижский залив не покрылись льдом, что сделало сообщение между Стокгольмом и Ригой довольно активным. 1 декабря 1616 года Фаренсбах подписал тайное соглашение о поступлении на службу к Густаву Адольфу, получив гарантии исполнения своих требований. Ему было передано, что война начнется, как только в балтийских заливах сойдет лед. Свой коварный план он должен был держать в тайне, пока ведутся лицемерные переговоры о перемирии.

Курляндские братья

Другими "воротами" для шведского вторжения должно было стать герцогство Курляндия, вассальное Речи Посполитой, - край с населением до 200 тысяч человек, не столь разоренный лихолетьем 1600-1609 годов, как Лифляндия. Рыцарство его было обязано в случае войны выставлять польскому королю "посполитое рушение" (по немецки "россдинст") - 400 всадников с 40 ланов пахотной земли (повинность могла заменяться специальным налогом.) Из этого числа сам герцог Курляндский выставлял 100 рейтар.

Там ситуация также складывалась вроде бы в пользу Швеции. После смерти герцога Курляндского Готтхарда Кеттлера в 1605 году ему наследовали сыновья Фридрих и Вильгельм, которые разделили герцогство на две части. Первому досталась восточная часть, Семигалия, со столицей в Митаве (Елгава), второму западная, Курляндия, со столицей в Голдингене (Кулдига). В 1615 году Вильгельм в борьбе за власть рассорился с местным дворянством, схватил и казнил двух депутатов местного сейма, братьев баронов Нольде, один из которых был доверенным лицом правительства Речи Посполитой. Дело это попало на

рассмотрение польского коронного трибунала, а затем вального (объединенного) сейма, в результате чего Вильгельма лишили прав на владения, а для управления ими назначили королевских уполномоченных (положение Фридриха при этом оставалось неясным.) Вильгельм трон отдавать не захотел и спешно нанял для защиты от поляков 200 рейтар и 1 000 пехотинцев. Данные обстоятельства сблизили его с Фаренсбахом, который поступил к нему на службу с частью своих иноземных наемников и сигнализировал шведам о тех выгодах, которые они могут здесь получить. Король Густав и канцлер Оксеншерна послали с миссией в Курляндию своего эмиссара, барона Клодта, два донесения которого от 13 марта и 5 мая 1617 года окончательно повлияли на решение о вторжении.

Противодействовать переходу Вильгельма под власть Швеции Речь Посполитая могла бы разве только бумагой с решением сейма. Фридрих шведского владычества не желал, но по своей слабости вынужден был лавировать, надеясь прибрать братнин удел и встать во главе объединенного герцогства. В то же время Вильгельм Кеттлер рассчитывал на поддержку не только короля Густава, но и большинства своего рыцарства, а также европейских государей - герцога Прусского, князей Бранденбургского, Померанского и Мекленбургского, курфюрста Саксонского, штатгальтера Голландии и императора Священной Римской империи.

Положение Речи Посполитой

Повлияли на это решение и сведения относительно общего положения объединенной "республики" Польши и Литвы, каковое было довольно сложным. Война с московитами продолжалась десятый год, осенью 1617 года начался новый поход на Москву, с юга угрожали крымские татары, а внутри страны то и дело вспыхивали шляхетско-магнатские мятежи и казацко-хлопские восстания. Обострились отношения властей с православным населением и запорожскими казаками из-за усиленного насаждения греко-католической унии.

Средств для ведения сразу трех войн у страны не было. Шляхта, а значит, и всецело подвластные ей "крипаки", денег в казну не платили, так что налоговое бремя ложилось главным образом на польских, литовских и прусских мещан, евреев, а также на крестьян королевских владений. При этом коронные земли постоянно раздавались за службу шляхтичам, хлопы которых потом обязаны были выплачивать только четверть прежних налогов. Новые налоги и сборы принимались только с одобрения сеймов - объединенных "вальных", коронных, литовских и региональных сеймиков, при этом шляхетство всячески тормозило военные расходы и мобилизации. Пошлины с таможен могли быть высоки, но сеймы добились того, что внутренние таможи ("коморы") между Польшей, Литвой и Украиной были упразднены, на границах государства таможенный сбор платили только купцы, а шляхтичи имели право ввозить любой импортный товар беспошлинно.

Денег казны практически хватало обычно только на начало военной кампании. Пока сеймы, регулярные или чрезвычайные, утверждали новые военные налоги на наем жолнежей, сумма старых долгов росла, к тому же собираемость налогов, акцизов и пошлин была очень плохой. Такая ситуация приводила к длительным, до нескольких лет, неплатежам войску, которое то и дело отказывалось воевать,

устраивая забастовочные "конфедерации", иногда накануне, казалось бы, гарантированной победы.

В "заценжном" (наемном) войске основная масса польско-литовских конных жолнежей набиралась по найму из шляхты по товарищескому принципу. Когда сейм постановлял ввести налоги на войну, король выдавал гетманам патенты ("листы пшиповедны") на вербовку определенных родов войск согласно выделенным казной ставкам. Гетман призывал опытных ротмистров, которым поручал формирование рот (хоругвей). Ротмистры приглашали известных им своими боевыми качествами рыцарей - "товарищей". Те согласно обязательствам приводили с собой к месту формирования или в лагерь гетмана свой большой или малый "почт" из "почтовых", "пахоликов", - боевых слуг, на содержание которых, а также самих себя и многочисленной обозной челяди товарищи получали "жолд"-казенное жалованье.

Посполитое рушение, шляхетская милиция, созывалось в ВКЛ поначалу, по Литовскому статуту 1529 года и статутам последующих лет, с числа "служб", то есть земель, делянок, выделенных государством шляхтичам за повинность службы, поставкой определенного количества конных снаряженных воинов на войну. Впоследствии, когда наследственные имения много раз делились, уменьшались, увеличивались и разорялись, число выставяемых шляхтичами воинов стало местной традицией, обычаем, внятного объяснения которому уже никто не мог дать. На повятовом уровне шляхта на сеймиках, воеводы, старосты и земские хорунжие, командиры ополчений, определяли, сколько "коней" повинен по своим возможностям выставить тот или иной шляхтич, приводя все к положенной цифре. При этом неимущие едва могли собраться "сам-один", разными причинами отговаривались, уклонялись, прибегали к помощи "участников", родственников и соседей, а имущие и чиновные шляхтичи, князья и магнаты часто выставяли "из чести и сострадания Отчизне" штат сверх положенного. Наряду с почтами магнатов и шляхетской милицией посполитое рушение включало также ополчения из крестьян, мещан и с церковных владений. Посполитое рушение, эффективное для войн XV- XVI веков, в XVII веке уже показывало слабую боеспособность и дисциплину, собиралось в войнах 1600-1629 годов обычно в малом числе, в основном с примыкающим к театрам боевых действий воеводств. Со всего государства в XVII веке шляхетское ополчение созывалось редко, всего трижды, и то в самую угрожающую для государства пору нашествий и мятежей (1621, 1649, 1655 годы.) При этом в бедной Литве, не способной нанимать много жолнежей, оно практиковалось дольше и чаще, чем в богатой Польше.

Немногочисленная национальная вербованная пехота и впервые новоустроенная в войне 1617-1618 годов драгунская рота сильно уступали по всем статьям также немногочисленным иноземным мушкетерам. Еще более оставляли желать "выбранцы", даточные крестьяне с королевских экономий. Массовые рекрутские наборы крестьян при их крепостном положении были невозможны, а неимущая шляхта не желала служить простыми "шеренговыми" в "пехуре".

Постоянная коронная армия была невелика (3-4 тысячи), так как магнаты и шляхта опасались усиления власти короля. Вся эта армия стояла на Украине. Реестровых (служилых) казаков было сравнительно мало, - в 1617 году до 1 000 человек, так как правящий класс по понятным причинам всячески противился

увеличению их численности. Ему нужны были крепостные, а не мятежное "козацтво", в которое стремились перейти их хлопы. При этом следует различать вольное Войско Запорожское, многотысячную Запорожскую Сечь, живущую на большой территории своим устройством и по своим законам под водительством своих избранных гетманов, не признаваемую юридически правительством Речи Посполитой, и реестровых казаков. Они подчинялись королю, гетману коронному, получали королевское жалованье и имели свои центры в украинских городках Трахтемиров, а затем Чигирин с штабом, казной, арсеналом, госпиталем, архивом, богадельней и войсковыми реликвиями-клейнодами, - знаменами, бунчуками и печатями. Реестровое казачество приравнивалось к "безгербовной" (бесправной, безголосной) шляхте. Запорожцы в войне с Швецией не участвовали, так как на нее королем не приглашались и не нанимались, в отличие от войны с Россией, когда гетман Сагайдачный в 1618 году предпринял с 20-тысячным войском поход на Московское гоударство с южного направления.

К началу военных событий польному гетману литовскому Кшиштофу Радзивиллу пришлось действовать своими малыми силами, без поддержки Польши.

Войска и гарнизоны в княжестве Ливонском, или Задвинском, разделенном на три воеводства - перновское, венденское и дерптское, были мизерны. Рига по договору с королем Баторием не имела польско-литовского гарнизона, а своих вооруженных сил, помимо городского ополчения, практически не было. Тем не менее она представляла собой сильную твердыню, впрочем, изрядно запущенную в плане современной фортификации. Важнейшие ливонские замки, пришедшие в упадок в последние десятилетия, были откровенно слабы. "Тверди опали, и не стенами, а грудью лишь обороняться могут..." - доносил Радзивилл королю. Польско-литовские гарнизоны, где они и стояли, являлись чисто символическими. Малочисленно было и само городское население, медленно восстанавливавшееся после нашествий, голода и чумы. Во многих ранее крупных по средневековым меркам городах с населением до тысячи и более человек вообще осталось по нескольку жителей.

Войск для быстрого и адекватного отпора вражескому вторжению в Лифляндии не было. Ливонское протестантское рыцарство, как обычно, более склонялось на шведскую сторону, однако ни "восстания баронов", ни значительного ополчения польской короне ожидать не приходилось. Местные феодалы, как и их "белые рабы", латышские и эстонские крестьяне, пришли в величайшую скудость и в общем, сохраняли нейтралитет и могли разве только на словах примкнуть к победителю. Не могла ничем помочь и Литва. Гетман располагал только тремя-четырьмя личными конными и пешими ротами, а для сбора наемного войска и посполитого рушения нужны были решения сейма, королевский универсал, введение и сбор новых налогов, и значительное время - от месяца до двух.

Принятие решений

Как указывалось выше, внешнеполитическая игра была довольно замысловата: в случае шведского нападения Польша вряд ли имела бы успех в России, в свою очередь все еще представляющей угрозу Швеции, и могла бы пойти

с шведами на выгодное для них перемирие, а Дюнамюнде, Ригу и часть побережья Курляндии отдала без борьбы. К тому же Речи Посполитой в случае потери Лифляндии пришлось бы повременить со своими претензиями на шведскую корону, заключив длительный мир, а потери в случае неудачи были бы так минимальны, что игра стоила свеч. Выгоды, учитывая слабость противника, казались очевидны. Казалось, нападать можно было, ничем не рискуя. Впрочем, дело было еще и в том, что в случае принятия польских предложений о перемирии пришлось бы с большими расходами распускать несколько тысяч долго служащих без денег иностранных наемников.

Канцлер Оксиеншерна, хотя и считал Фаренсбаха человеком ненадежным, не имеющим реальной власти и не подходящим для роли шведского губернатора, все-таки решил принять его услуги. Принятие решения молодым королем Густавом было тоже трудным. Сил и средств было мало, сказывалась экономическая усталость государства, но король послушался Оксиеншерну и пошел-таки на договор с Фаренсбахом. Последний получил указания укрепить Дюнамюнде и склонить Вильгельма передаться Швеции и предоставить ей курляндские порты.

Всякой войне предшествует идеологическая подготовка. Государственная пропаганда через местные власти и церковь внушала протестантскому населению, что поляки-католики угрожают высадкой в Швеции, подобной провальной экспедиции Сигизмунда 1598 года, и нужно напрячь все силы для отпора. Войну фактически благословил и риксдаг, который на заседании 16 июня 1617 года прямо высказался за то, чтобы захватом портов Лифляндии и Курляндии была предотвращена угроза вторжения и заняты позиции для ответного наступления.

Подготовка вторжения

Покамест начались мобилизационные мероприятия. Адмирал Нильс Штерншельд отправился вербовать моряков в Голландию, которая выделила союзным шведам субсидию в 40 тысяч флоринов, а английский король разрешил шведам вербовку своих наемников. В свою очередь низложенный герцог курляндский Вильгельм поехал в Европу за военной и финансовой помощью, назначив своим наместником не кого иного, как Фаренсбаха, получившего безграничную свободу действий. 14 мая тот подписал тайный договор с Густавом Адольфом и занял со своими солдатами Гольдинген и Виндаву (Вентспилс). Однако перебежчик потерял время, а из-за хвастливой невоздержанности на язык о его коварных планах узнали все, кто хотел знать. Встревоженные рижане стали готовить город и ополчение к обороне, дополнительно наняв 300 солдат в Германии. В то же время польско-литовские представители на мирных переговорах непонятно почему не предприняли никаких действий, то ли будучи успокоены лживыми заверениями кригскомиссара Адама Шрапфера, выдававшего Фаренсбаха за ничего не стоящего и никого не представляющего интригана, либо просто проявив ротозейство.

Надо сказать, что ни король Густав Адольф, ни 32-летний фельдмаршал Якоб Делагарди сами не приняли личного участия в войне. Единоначалия в армии вторжения не было. Командующими королем были одновременно назначены Нильс Штерншельд и Вольмар фон Фаренсбах, причем первый должен был следовать

указаниям второго, но лишь в том случае, если счел бы их полезными (!) Позднее полномочия разграничили таким образом, чтобы Фаренсбах командовал бы полевыми войсками, а Штерншельд - войсками крепостными и осадными. В общем, руководство оказалось разобщенным, и даже самые подробные указания короля из Стокгольма, который не всегда учитывал обстановку на месте, улучшить положение не могли. Военные планы были половинчатыми - предполагалось взять Дюнамюнде и Пернов, но использовать эти опорные пункты для дальнейшего наступления на Ригу и Ливонию не планировалось.

Для операции было собрано слишком мало сил, даже с учетом внезапного нападения. Хотя король обещал Штерншельду более 8 тысяч войска, к началу войны для этой цели в Швеции и Эстляндии имелись в наличии:

- восемь шведских и три наемные пехотные роты; рота пеших немецких лейб-драбантов короля, лейб-рота Нильса Штерншельда, рота Седерманландского полка, шведские роты Даниэля Ханссона, Матса Ларссона, Кристоффера Ассарссона, Юхана Хенрикссона, Эрика Бреннаре, барона Йоста Клодта, сводная рота Ханса Андерссона и Петера Далекarle;

- четыре конных роты; кирасирская немецкая лейб-рота короля, кирасирская немецкая лейб-рота фельдмаршала графа Якоба Делагарди, финская рейтарская рота барона Отто фон Гроттхузена, Эстляндский адельсфан (дворянское ополчение численностью около рейтарской роты.)

Штатная численность составляла 2 050 пехотинцев и 620 кавалеристов, всего 2 670 человек. На деле она не превышала и 2 000 человек, в том числе около 300 кавалерии, что просто не позволяло вступать в полевое сражение с сильной литовской конницей. К тому же одновременно перебросить эти войска на театр военных действий не получилось.

Начало боевых действий

Шведский флот под командой адмирала Гюлленхельма господствовал на море, - несколько гданьских и рижских боевых кораблей не представляли ему никакой угрозы. Пользуясь этим, 11 июня шведы перевезли на четырех судах из Ревеля в Дюнамюнде наемный отряд ирландского капитана Джона Доновея (Донована), который занял старую крепость на прежнем обмелевшем русле Дюны и новый шанец Ноймюнде, построенный шведами в 1609 году, в нынешнем устье реки. Принявший отряд комендант Фаренсбах при этом зачем-то подписал липовую капитуляцию. Продолжая ставить "дымовую завесу", он заверял рижан в дружбе и верности, утверждая, что люди Доновея - это только его наемники. При этом изменник распускал слухи, что Речь Посполитая, закончив войну с Россией, намерена вторгнуться в Финляндию. У шведов же он просил 2 000 войска и артиллерию для захвата левобережных укреплений Риги, - Красной башни и замка Дален.

Получив из Стокгольма жалование отряду Доновея, 17 июня Фаренсбах отправился с ним в Курляндию на рекогносцировку. Убедившись, что литвины вовсе не собираются мешать его действиям, пребывая в полном и расслабленном неведении, он дерзнул пойти на захват Пернова. 3 июля отряд Фаренсбаха, разместившись на трех кораблях, попытался внезапно взять город и замок, но

десант провалился - упрежденный гарнизон отбил нападение. Вообще Пернов был довольно крепким орешком - с запада его защищал морской залив, с других сторон - старый замок с башнями, который окружала линия валов с семью бастионами.

13 июля на кораблях шведского флота прибыл в Виндаву с войсками Нильс Штерншельд и с помощью сил Фаренсбаха и при поддержке курляндского рыцарства занял столичный Голдинген и города Пильтен (Пильтене) и Гробин (Гробиня). Дальше пока все шло по плану. 22 июля Штерншельд пришел в Дюнамюнде, комендантом которого был назначен капитан Розенкранц. 23 июля были захвачены замки и шанцы на рижском левобережье - командиры бежали за реку первыми, солдаты за ними. В Риге возникли паника и пораженческие настроения, которыми, однако, шведы не воспользовались. Они расположились под городом отрядом примерно в 500 солдат и начали сбор таможенных пошлин с купеческих судов и обозов в свою пользу. В конце июля почти без сопротивления они заняли ближайшие замки Кремон (Кремона), Трейден (Турайла), Зегевольд(Сигулда) и Нойермюлен (Адажи).

31 июля воодушевленные победами Штерншельд с Фаренсбахом отправились на судах из Дюнамюнде брать Пернов. Высадившийся осадный корпус с помощью установленных батарей и мин, подведенных к бастионам, уже 8 августа заставил капитулировать город, не дождавшийся помощи литвинов. Вскоре пал еще один порт на берегу Рижского залива - Салисбург (Салацгрива). Все побережье от Гробина до Пернова стало шведским.

Генерал-губернатором перновским Густав Адольф назначил Нильса Штерншельда. Это всеми было воспринято в том смысле, что король считает взятие Пернова достаточным результатом кампании и пост генерал-губернатора рижского и лифляндского ни Штерншельду, ни Фаренсбаху, похоже, не светит. Последний стал командующим над всеми завоеванными крепостями и полевыми войсками, но с оговоркой, что оба командующих должны были принимать общие решения и иметь равные права. Конечно, двоевластие никогда до добра не доводило. Тем более что Штерншельд быстро составил мнение о своем соратнике как о неуправляемом сумасброде, способным лишь на набеги, авантюры и грабежи, а не на руководство военными действиями регулярной армии. Однако король Густав повелел адмиралу по возможности приспособливаться к ливонскому союзнику, в то же время бдительно присматривая за ним, как бы он чего не выкинул (а он выкинул, и еще как!)

Силы и действия Радзивилла

Основные вооруженные силы Речи Посполитой застряли летом-осенью 1617 года под Калугой и Можайском, в октябре в войске начался бунт из-за безденежья и голода, что и спасло Москву от падения. Тем более денег не было для войны со шведами. Гетман польный литовский 33-летний Кшиштоф II Радзивилл, сын великого гетмана литовского Кшиштофа I Радзивилла "Перуна", сумел собрал в течение июля месяца небольшой отряд всего в 900 конников и пехотинцев, включая свою личную гвардию, не получив на это из казны ни одного золотого и ни одного жолнежа, используя личные средства. В начале августа 1617 года гетман имел под командой всего 200 гусар своей гетманской хоругви, поделенной на две

роты под командой кузенов князей Альбрехта и Зыгмунта Радзивиллов, 350 курляндских и ливонских рейтар, созданных по посполитому рушению, составлявших три хоругви, одна под командой барона Каспара фон Тизенгаузена, другие, вероятно, Генриха Шмеллинга и Бенедикта Валя, 100 казаков гетманской казацкой хоругви, личный почт Адама Талвоша в 30 пятигорцев, и две хоругви в 250 литовских пехотинцев, даточных крестьян-выбранцев с шавельских королевских экономий. От и так малых сил пришлось отрезать для обороны Риги, куда послали рейтарскую роту Генриха Шмеллинга всего в 60 коней, и Пернова, куда были посланы, но не дошли вовремя казацкая рота неустановленной численности и рота литовской пехоты Вильчковского в 150 гайдуков.

Тем не менее Радзивилл, один из видных полководцев "золотого века" Речи Посполитой, перешел к активным действиям и буквально за пару дней, 6-8 августа, отобрал у шведов почти все захваченные замки, имевшие очень слабые гарнизоны. Всего одна рота Шмеллинга вместе с рижскими наемниками легко взяла Кремон, Трейден и Зегевольд. Развивая успех, гетман собирался было предпринять разорительный конный рейд по Эстляндии, чтобы заставить шведов окончательно оставить Ливонию и Курляндию, но от этого плана его заставили отказаться некоторые политические причины.

Тушинский перелет

Дело в том, что предавший однажды созрел для того, чтобы предать и дважды. Род Фаренсбахов был в государстве влиятелен - сестра Вольмара фон Фаренсбаха, живущая в Варшаве, дядя, вероятно, брат, служивший у Радзивилла, а также вездесущие иезуиты стали оказывать на барона давление, увещевая его к возвращению на польскую сторону. Сам он тоже вовремя понял, что сил у шведов маловато, положение их из-за дефицита платежного баланса скоро станет бедственным, что неминуемо скажется и на жизненном уровне самого "губернатора ливонского", а военная фортуна явно клонится не на их сторону. Фаренсбах, получив гарантии прощения и посулы всяческих выгод, сделал поворот на сто восемьдесят градусов, как Труффальдино из Бергамо, - опять к старому господину. Прибыв на генеральный сеймик в Слониме, он клятвенно обещал литвинам вернуть все захваченное обратно, бессовестно оправдывая свою измену тем, что хотел якобы только помочь герцогу Вильгельму вернуть его курляндские владения и вообще действовал по приказу короля Сигизмунда (?!). Кстати, - Фаренсбах формально сообщил королю Густаву Адольфу о том, что снова переходит на польскую службу, только спустя месяц, 25 сентября...

Для начала он поставил в Дюнамюнде своих драгун, так как накануне шведские пешие роты Розенкранца и Антссона ушли в Пернов, чем, видимо, и спаслись от гибели и плена. Затем пришел корабль из Швеции, капитан его привез деньги для солдат, которые, однако, отказался выдать Фаренсбаху, заявив, что обязан передать их только Штерншельду. Тогда Фаренсбах взял их силой, его драгуны захватили и разграбили судно. Затем полковник убыл в Курляндию, чтобы подготовить передачу тамошних крепостей в новые руки.

1 сентября Штерншельд собрался было с войсками из Пернова на поддержку двинского отряда, но шторм задержал его на десять дней., так что прибыл он под

Ригу слишком поздно. Небольшие осадные силы на западной стороне Дюны он обнаружил в последней стадии развала. Командир отряда скончался, видимо, от болезни, солдаты, страдающие от безденежья, голода и болезней, переходили к литвинам и рижанам. Драгуны Фаренсбаха в Дюнамюнде отказались вести какие-либо совместные боевые действия с Штерншельдом, и ему пришлось несолоно хлебавши возвращаться в Пернов.

Упущенные возможности

Собрав силы в княжестве Жмудском, Радзивилл со своими гусарами, рейтарами, казаками и гайдуками пошел в Курляндию и с помощью переметнувшегося к нему Фаренсбаха занял 15 сентября стольный град Гольдинген, и не просто занял, а сорвал тем самым план короля Густава Адольфа по овладению портом Лебау (Либавой, Лиенайе.) Далее последовала очередь Салисбурга, в который драгуны Фаренсбаха просто въехали верхом, не дав опомниться гарнизону. От всей добычи у Густава Адольфа остался один лишь Пернов, солдаты гарнизона которого, состоящего из наемников, из-за неплатежей и хронического недоедания поодиночке и группами переходили к неприятелю. Пришло время для беспокойства - враг приближался, а в сдавшихся замках было потеряно около тысячи солдат.

Шведы были неспособны вести активные наступательные действия. Король отдавал ценные указания из-за Балтийского моря, а на местах руководили наместник перновский Нильс Штерншельд и генерал-губернатор ревельский Габриэль Оксиденшерна, брат риксканцлера. Они опять же находились в равных правах, и никто из них не мог приказывать другому. Набором войск в Финляндии и отправкой их в Ревель ведал Линдвед Классон, содержались солдаты за счет доли от финляндских налогов. Положение было настолько тяжелым, что Штерншельд подал в отставку, угрожая в противном случае вывести солдат из Лифляндии в течении двух месяцев, но король в своем послании от 14 сентября строго указал ему удерживать захваченное.

Вообще сентябрь стал месяцем судьбоносным. Напади литвины на Эстляндию даже теми малыми силами, что у них имелись, отражать их было бы практически некому. В Ревеле и Нарве имелось всего не более 800 боеспособных солдат. Пернов защищал гарнизон Кристоффера Ассарссона, состоящий в основном из 150 вооруженных мещан - наемники дезертировали или перемерли. Из Ревеля смогли отправить на подмогу перновцам не более 80 финских пехотинцев. В важной крепости Вайссенштейн (Пайде, Бялы Камень) имелся в наличии слабый Эстляндский аделсфан численностью всего 50 всадников да примерно столько же финских солдат.

Однако Радзивилл не сумел использовать эту благоприятную ситуацию. До начала ноября он простоял с войском в Курляндии, несмотря на то, что Эстляндия и Пернов оказались практически беззащитны. На то были свои причины. Дело в том, что у Фаренсбаха, большинство солдат которого из-за многомесячной невыдачи жалования бежали в Ригу, испортились отношения уже с рижанами, с которыми он фактически вступил в военные действия. А с гетманом он разругался так, что отказался приносить присягу Речи Посполитой и замыслил третье по счету

предательство, - сдачу, или, вернее сказать, новую продажу Дюнамюнде шведам. Из затеи ничего не вышло, но все эти кренделя "тушинского перелета" серьезно помешали планам Радзивилла по взятию Пернова, о неприступности которого, кстати, усиленно распространяли слухи шведские агенты.

Впрочем, для этой цели у гетмана имелись всего две пехотных роты, не считая выбранцев, которых никто не считал за настоящих солдат - их поставили в гарнизоны Риги и Дюнамюнде. Артиллерия насчитывала аж два орудия. Силы литвинов (к зиме по штату до 1 500 конных и пеших), у которых ситуация с жалованьем была не лучше, чем у противника, таяли от дезертирства и ухода со службы, в том числе с противнику. В ноябре целый полк вербованной немецкой пехоты под командой капитана фон Крузебека численностью 1 100 человек перешел к шведам.

К тому же гетман вступил с королем в конфликт по принципиальным политическим вопросам. Радзивилл считал, что после занятия Курляндии ее следует присоединить к Литве, а Сигизмунд хотел, чтобы вассальное герцогство, сохранившее автономию, возглавил бы Фридрих Кеттлер. В сентябре в послании к гетману король указал перечень замков, которые после их занятия не должны были перейти под юрисдикцию Фридриха, а в ноябре назвал тех персон, которым следовало их пожаловать. В дальнейшем, в связи с протестами герцога и сомнительными перспективами победы королевича Владислава под Москвой, Фридрих обрел власть над большинством курляндских земель, кроме переданных Польше, а формально воеводству венденскому владений, которые просто испятнали карту Курляндии подобно коровой шкуре.

С наступлением холодов обиженный гетман послал все "до дьябла", приказал ротмистрам размещаться по гарнизонам и зимним квартирам, назначил заместителем полковника Яна Сициньского, героя прошлой кампании 1600-1611 годов, и отбыл в свой родовой жмудский замок Биржи. Таким образом, литовская армия практически временно вышла из игры.

Тем временем шведы к зиме перебросили морем и посуху в гарнизоны Эстляндии несколько пеших и рейтарских рот из Финляндии и Ингермаландии, а также две гвардейские лейб-роты из Швеции. Таким образом, гарнизон Ревеля составили рота Седерманландского полка, роты Даниэля Ханссона, Маттса Ларссона, сводная рота Хансса Андерссона и Пера Далекарла. В Пернове стали роты Кристоффера Ассарссона, Юхана Хенрикссона, рота пеших драбантов и рота конных драбантов-кирасир короля Густава Адольфа. В Вайссенштейне - пешая финская рота Эрика Бреннаре и Эстляндский адельсфан. Резерв (подвижные силы) составляли наемный пеший полк Нильса Штерншельда, пешая рота Йоста Клодта и финская рейтарская рота Отто фон Гроттхузена. В Нарве стояли роты Эрика Томсона, Ханса Штральмана и две наемные немецкие роты (командиры неизвестны), в Ивангороде - рота Олафа Брюнельсона.

Рейд Сициньского

В конце января 1618 года боевые действия оживились. Гетман приказал полковнику Сициньскому предпринять набег в Эстляндию, чтобы убить сразу двух зайцев: склонить шведов к перемирию и послать наконец в грабительский

"подъязд" безденежную застоявшуюся кавалерию, расположенную по сельским стоянкам ("стациям"), где она отбирала последнее у нищих литовских крестьян. (Здесь нужно заметить, что, выражаясь языком военной науки, "действия по нарушению операционной базы противника" в войнах Речи Посполитой, России и Швеции в XVII - начале XVIII веков имели целью также и обыкновенный захват добычи, то есть хлеба, мяса и фуража насущного регулярной, наемной и дворянской конницей, которым командование зачастую не могло платить оговоренное жалованье. Иррегулярные формирования, легкоконных казаков и татар воюющие стороны зачастую привлекали вообще без обещания денег - что затрофеили в набегах, то и ваше.)

Полковник Сициньский стал собирать силы в районе Феллин (Вильянди)-Пильтен (Пыльтсамаа.) В Ревеле довольно скоро узнали, что литвины готовят нападение. В этих условиях шведы, которым крыть было нечем, сами попытались договориться о перемирии. Однако к положительным результатам это не привело: королевский комиссар Адам Шрапфер не пользовался доверием со стороны польско-литовской стороны из-за его соучастия в плутнях Фаренсбаха, открытого в перехваченных от рижан бумагах, к тому же требование о возврате Пернова шведы признали неприемлемым.

Итак, предстоял литовский набег. Сначала в Ревеле ошибочно полагали, что у врага не менее 8 тысяч коней, но 15 января были получены конкретные данные о его численности. Отряд из крепости Вайссенштейн, состоящий из 60 эстляндцев и 70 финнов, напал на мызу Аликко близ Феллина и разбил небольшой литовский отряд, положив на месте 23 человека и троих взяв в плен. По показаниям языков, конный корпус Сициньского насчитывал всего до 2 тысяч всадников.

Несмотря на это, вскоре Западная Эстляндия испытала то, чего не испытывала даже в прошлую войну с поляками, даже во времена нашествия Ивана Грозного. Продвинувшись из Аликко через Кехтла в Касти, полковник Сициньский соединился там с отрядом из Феллина и вновь разделил силы на две группы, одна из которых пришла с ним к Гапсалу (Хаапсалу), другая, с ротмистром Янушем Кишкой, шурином гетмана, к замку Лукко. Взять замок не удалось, - с окрестных хуторов в помощь гарнизону и мещанам сбежались ватаги эстонских крестьян и перебили чем было в руках, по шведским данным, около 130 неприятелей. Тем временем, двигаясь от Гапсаля по льду замерзшего пролива, литовская конница ворвалась на острова Моонзундского архипелага Вормс (Вормси) и Даго (Хийумаа) и учинила там батыево разорение.

Как-то бороться с рейдирующими конными группами шведы не могли. Все ограничилось демонстрацией - Штерншельд, выйдя с отрядом в направлении к Ревелю, прошел семь миль и вернулся обратно в Пернов. Пользуясь тем, что противник отсиживался по крепостям, около месяца свирепые наездники большими и малыми партиями терзали многострадальный край, обходили укрепленные замки, разоряли местечки и хутора, угоняли или резали скот (по словам ревельского губернатора, "после них не осталось ни одного целого свинарника"), жгли дома, сено и амбары с зерном, убивали всех взрослых мужчин на своем пути. Однако окрестности Пернова хищники не тронули - видимо, город с воеводством рассчитывали заполучить после перемирия обратно.

В Финляндии поднялась тревога - а вдруг литвины и казаки, проскакав по льду

Финского залива, нападут и на берега Нюланда и Тавастланда, как когда-то, полвека назад, московиты с их страшными татарами и черемисами? Спешно были собраны в Гельсингфорсе конники по рейтарской повинности мыз ("россдинст"), стоявших по домам или в гарнизонах, в количестве 400-500 человек, из них 300 рейтар направили в Ревель. Состояние этой конницы было ниже всякой критики - никто не имел кирас, из положенной пары пистолетов обычно только один, очень плохим было состояние конностава. Когда одну роту отправили из Ревеля на разведку, она прошла всего восемь миль и вернулась обратно, - лошаденки выдохлись. И все-таки приход финской конницы, видимо, достиг своей цели - литовские "шарпальники", не имея точных сведений о силах противника, 11 февраля ушли наконец за лифляндскую границу, отягощенные добычей. Воспользовавшись отступлением врага, Штерншельд с тремя конными ротами и небольшим отрядом мушкетеров напал на замок Каркус, ворвался в ворота, перебил 40 человек и столько же пленил, после чего возвратился в Пернов. Но это, были уже, так сказать, "кулаки после драки" и «остроумие на лестнице».

Затишье

Литвины стали зимними лагерями по городкам Эрмес, Хелмет (Тырва), Лемзаль (Лимбажи), Буртниеке (Буртниеки) и Вольмар (Валмиера). Штерншельд хотел было продолжать нападения на врага, но плачевное состояние его конницы не позволило ему это сделать. К тому же король приказал ему не активничать, укрываясь в крепостях. Финских рейтар отправили домой - все равно толку от них не было.

Тем более и оставшиеся едоки страдали от голода и безденежья. В разоренном крае просто трудно стало найти продовольствие. В Ревеле, Нарве и Пернове многие раздетые и разутые солдаты не могли выйти из квартир, причем не столько из-за холода, сколько из-за стыда перед мещанами. От ввезенного из Швеции порченого зерна и недоедания распространились болезни. Габриэль Оксиденшерн срочно доставил из Финляндии 2 000 талеров и 200 центнеров хлеба, но этого хватило ненадолго. Ответственный за снабжение крисккомиссар Шрапфер оказался под градом жестокой критики со стороны офицеров (а можно предположить, и под угрозой физических действий), так что самому королю пришлось за него заступаться. В Пернове голодные солдаты взбунтовались, создав угрозу жизни и имуществу граждан. Наступила весна, прошел март, апрель. В мае и июне в Ревель привезли большое количество зерна и вяленого мяса, но на всех все равно не хватило.

Шесть весенних и летних месяцев прошли без всякого движения с обеих сторон. В конце лета 1618 года в Эстляндии имелось в наличии всего 2 229 пехотинцев и 682 кавалериста, всего 2 911 человек, из них 270 финнов. На подкрепление к ним в сентябре-октябре собрали по Финляндии 400 рейтар, переправить которых на южный берег залива помешали встречные ветра, шторма и нехватка судов, и 300 пехотинцев, которым также пришлось бездействовать на морском берегу несколько месяцев, даром истребляя провиант и фураж, до самой зимы.

К счастью для шведов, война с Россией, а также турецко-татарская угроза забрали у Речи Посполитой все силы, не позволив наступать в Инфлянтах. Состав литовской армии практически не возрос. К окончанию боевых действий у

Радзивилла имелось всего пять гусарских хоругвей - гетманская, поделенная на две роты князей Альбрехта Владислава и Зыгмунта Кароля Радзивиллов (по 100 коней), полковника Яна Сициньского (100 коней), Ежи Грушевского (150 коней), Александра Раецкого (100 коней), Иоганна фон Шверина (100 коней), две рейтарские роты - Генриха Шмеллинга и Амбора (по 100 коней), три казацкие хоругви - Богдана, Копца и Рачинского по 100 коней, драгунская рота Габриэля Сердана (120 коней, первая подобная в армии Речи Посполитой), две литовские пехотные роты - гетманская поручика Яна Дзевчепольского и Вильчковского (по 120 человек). В гарнизонах стояли две выбранецкие роты - в Риге Кшиштофа Чаславского и в Дюнамюнде Яна Укольского (по 100 человек).

Таким образом, исходя из штатной численности, которая превышала реальную минимум на треть, в войске насчитывалось около 1 700 жолнежей при двух орудиях - (канониры Мертон и Вильгельм с помощниками.) Фактически в строю, скорее всего, было около тысячи боеспособных.

Перемирие

Начались долгие и безрезультатные переговоры, - прийти к консенсусу сторонам мешал вопрос о Пернове, а также поступавшие предложения о частных перемириях на территориях города Риги, Нарвы и дерптского воеводства (восточная часть Лифляндии, примыкающая к Чудскому озеру.)

Во многом исход войны в Ливонии зависел от войны в России. Стремясь всячески помочь русским в борьбе с поляками, король Густав, несмотря на нехватку войск, после заключения Столбовского мира в феврале 1617 года направил на службу Москве несколько тысяч наемников и много иностранных офицеров, в том числе шотландского полковника Самуэля Коброна (Кокберна), героя московского "анабасиса" корпуса Делагарди 1609-1610 годов, битвы при Клушине и войны в Новгородской земле. Осенью 1618 года положение Московского государства стало угрожающим. Владислав осадил русскую столицу. Гетман Запорожского войска Сагайдачный, совершив разорительный поход по южной России, соединился с армией королевича. Польско-литовские войска предприняли неудачные штурмы Арбатских и Покровских ворот российской столицы.

Среди шведов понеслись тревожные слухи о польской победе. Густав приказал Делагарди и выборгскому генерал-губернатору Флемингу держать силы в Ингерманландии наготове и в случае надобности прийти на помощь русским. В Финляндии набирали столько войск, сколько возможно. Воображаемая датская угроза вообще заставила короля и канцлера планировать вывод войск из Эстляндии.

Однако все обошлось относительно благополучно. 8 декабря 1618 года было наконец заключено перемирие в Ливонии, - польско-литовскими представителями (королевский комиссар Вальтер фон Плеттенберг) оно было подписано в Каркусе, при сем присутствовал "главный герой" войны, владетель замка господин полковник Фаренсбах!) Шведскими (королевский комиссар Адам Шрапфер) - в Тольсбурге близ Вейссенштейна, почему в истории оно именуется Тольсбургским. Военные действия прекращались на два года, до 21 ноября 1620 года, при условии,

что если какая-либо из сторон не объявит за три месяца до срока истечения перемирия о возобновлении военных действий, то перемирие продлевается и на следующий год. Пернов остался за шведами, но только благодаря непримиримой позиции Сигизмунда. За ратификацию польским королем договора о перемирии шведы соглашались вернуть город через год и один день после соглашения, но он упрямо не хотел иметь никаких дел с сыном узурпатора его трона и ставить подпись на бумаге, где Густав II Адольф именовался шведским монархом.

Почти в то же самое время, 1 (11) декабря того же года, Россия, отстоявшая Москву от нашествия, заключила Деулинское перемирие с Речью Посполитой на 14,5 лет, оставив за Литвой Смоленскую, а за Польшей Северскую и Черниговскую земли. В феврале 1619 года Дания вернула Швеции Эльвсборг.

Некоторые итоги

Мир казался Густаву Адольфу стабильным на всех направлениях. Переведя дух, он понял, что вся эта несуразная ?промежуточная? война с наступлениями, отступлениями, осадами, стычками без генерального сражения, набегам, голодовками предательствами, переговорами на фоне плутовской комедии с Фаренсбахом в главной роли закончилась в целом не так уж плохо. Все-таки Пернов остался за шведами, хотя с Дюнамюнде, Ригой и Курляндией получилось полное фиаско. "Так обрывались замыслы с размахом, вначале обещавшие успех..."

Но отрицательный опыт - тоже опыт. Размышляя об итогах и последствиях этой войны и обдумывая планы войны следующей, молодой король пришел к нескольким разумным выводам.

Во-первых, Ригу и Ливонию следует завоевывать не внезапными авантюрами, заговорами и десантами, а целенаправленными и методичными боевыми действиями большой армии.

Во-вторых, армия эта должна состоять не из иноземных наемников, готовых взбунтоваться и перебежать к врагу при первых затруднениях с провиантом и жалованьем, а из своих же шведов и финнов, из хорошо обученной и верной пехоты и кавалерии, поддерживаемых мощной артиллерией, способных соперничать с литовской конницей. Особенно это касалось кавалерии - иначе шведам суждено было быть битыми еще долго.

В-третьих, важный урок был получен и относительно оперативного командования и планирования, уровень которых оставлял желать много лучшего. Победы были просто упущены, фактор внезапности утерян, несмотря на стечение целого ряда благоприятных обстоятельств - слабость литовского войска, гарнизона и ополчения города Риги, а также готовности передаться Швеции герцога Вильгельма и благожелательной или просто пассивной позиции лифляндского и курляндского рыцарства и латышского населения.

В-четвертых, нужно было кардинально решать проблему снабжения войск и создания запасов. В разоренном крае система снабжения для шведов должна быть только магазинной, а не реквизиционной.

Впрочем, нельзя сказать, что все эти уроки пошли шведам на пользу.

В то же время противная сторона, похоже, не сделала никаких выводов. Доказательство тому - следующая война 1621-1622 годов, в ходе которой Речь

Посполитая потеряла Ригу и едва не потеряла всю Лифляндию и Курляндию. Былые победы уверили военно-политические верхи единого государства - шведы против литовской конницы выстоять не могут, и в новой войне они неминуемо будут биты в очередной раз.

Новое нашествие застало Литву в старой ситуации - основные силы были заняты войной в Молдавии, а литовское войско гетмана Радзивилла даже после мобилизационных мероприятий в десять раз (!) уступало шведской армии нового типа, набранной в основном из рекрутов. История еще раз показала - главный ее урок состоит в том, что из нее никто и никогда не извлекает никаких уроков.

Вся королевская рать

В заключение - несколько слов о дальнейшей судьбе некоторых героев данного очерка. Король Сигизмунд, проиграв шведам еще две войны, скончался в апреле 1632 года, не дожив до вести о гибели в октябре того же года его соперника и злейшего врага, двоюродного брата Густава II Адольфа, павшего на поле сражения при Лютцене в ореоле славы великого полководца.

Канцлер Аксель Оксиденшерна после смерти короля стал главой Протестантского союза, регентом (главой опекунского совета) при малолетней королеве Кристине и после ее восшествия на престол, эмиграции и отречения в пользу Карла Густава, твердой рукой правил Швецией до самой смерти в 1654 году, оставив страну на вершине могущества.

Гетман Кшиштоф Радзивилл с переменным успехом воевал со шведами в Лифляндии еще две кампании, из-за противоречий с королем был отстранен от командования, затем отличился в Смоленской войне и умер в 1640 году, будучи уже великим гетманом литовским.

Януш Кишка благодаря боевым заслугам и протекции могущественного зятя вскоре был назначен воеводой полоцким и старостой парнавским (несмотря на потерю лифляндских воеводств, их до самого Оливского мира 1660 года, по которому Лифляндия уступалась Швеции, не исключали из состава государства и даже назначали в них воевод и старост.) При жизни Радзивилла Кишка стал его преемником - польным гетманом литовским, а после кончины князя унаследовал и его булаву великого гетмана литовского. Адмирал

Нильс Штерншельд в ноябре 1627 года погиб в неудачной для шведского флота морской битве с польским флотом при Оливе близ Гданьска. Он скончался от ран на капитанском мостике своего флагманского галеона, захваченного гданьчанами, причем вскоре рядом с ним погиб и его победитель - польский адмирал Дикман.

Литовские ротмистры Шмеллинг, Шверин, Корфф, Валь, Раецкий, Сердан. Копец, Богдан, Дзевчепольский, Укольский, Чаславский, как и шведские офицеры Коброн, Розенкранц, Ассарссон, Гроттхузен, Паули и многие другие, приняли участие и в следующей войне 1621-1622 годов. В честь Коброна, умершего при взятии Вольмара, был назван построенный им "Коброншанц" на левобережной стороне Риги, надолго вошедший в городскую топонимику. Капитан Донован со своей ротой служил далее Радзивиллу. По иронии судьбы, он в августе 1621 года был направлен гетманом на помощь гарнизону Дюнамюнде, но опоздал, - крепость

была взята шведами.

И, наконец, о судьбе Вольмара фон Фаренсбаха. Он отправился воевать в Молдавию, и в октябре 1620 года, при катастрофическом разгроме турками и татарами польского войска на Днестре, когда пал сам великий гетман коронный Жолкевский, он сдался в плен басурманам вместе с польным гетманом Конецпольским и еще несколькими военачальниками и офицерами. После заключения мира и освобождения Фаренсбах не вернулся на службу Речи Посполитой, подавшись в Европу, где продавал свою шпагу попеременно имперцам, французам, и как ни странно, тем же шведам. Как и где закончил свои дни несостоявшийся генерал-губернатор Лифляндии, автору неизвестно.

Источники и литература

- Sveriges krig 1611-1632. Generalstabens. I-IV. S., 1936-1939.
- U. Sundberg. Svenska kriget 1521-1814. S., 1998.
- A. Korhonen. Hakkapeliitain historia. Osa I. Porvoo-Helsinki, 1936-1940.
- B. Barkman, S. Lundkvist. Svea livgardet historia. S., 1936.
- J. Mankell. Svenska regementenas historia. S., 1867.
- Ksescia Krzysztofa Radziwilla hetmana polnego i Wielkiego Ksiestwa Litewskiego sprawy wojenne i polityczne. Paris, 1859.
- J. Kunowski. Ekspedycja szmflantska 1621 roku. W opracowaniu Wojciecha Walczaka i Karola Lopateckiego. Bialystok, 2007.
- J. Wimmer. Woisko i skarb Rzeczypospolitej w pierzcei polowe XVII wieku. Warszawa, 1968.
- H. Wisner. Woisko litewskie w polowie XVII wieku. Warszawa, 1978.
- L. Podgorodecki. Rapira i koncerz. Warszawa, 1985.
- R. Sikora. Wojskowosc polska w dobe wojny polsko-szwedzkiej 1626-1629. Kryzys mozarstwa. Poznan, 2005.
- R. Sikora. Kropimoiza. Warszawa, 2009.
- M. Paradowski. Raitaria litewska pod komenda hetmana Krzysztofa Radziwilla 1617-1622. Historia wojskowosci. <http://www/o-woine.pl>